

Шмелев И. В.

История села Мотовилово Тетрадь 8

1926 г.

12+

Иван Шмелев

**История села Мотовилово.
Тетрадь 8 (1926 г.)**

«ЛитРес: Самиздат»

1971

Шмелев И. В.

История села Мотовилово. Тетрадь 8 (1926 г.) / И. В. Шмелев —
«ЛитРес: Самиздат», 1971

Более 50 лет Шмелев Иван Васильевич писал роман о истории родного села. Иван Васильевич начинает свое повествование с 20-х годов двадцатого века и подробнейшим образом описывает достопримечательности родного села, деревенский крестьянский быт, соседей и родственников, события и природу родного края. Роман поражает простотой изложения, безграничной любовью к своей родине и врождённым чувством достоинства русского крестьянина.

Содержание

Н.Э.П. Уличная торговля. Лекция	6
Трынковы. Сапожник Степан Меркурьев	9
Рождество. Святки. Минька Савельев	12
Крещение – Иордань. Морозы. Рыба. Яшка	15
Холода. Хозяйство. Савельевы	19
Федотовы. Женидьба Павла	21
В Арзамасе. Деньги. Рыба. Скандал	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Часть вторая

Тетрадь № 8 (1926 г.)

Н.Э.П. Уличная торговля. Лекция

Наступил 1926 год. Ох, уж этот 1926-й, не тебе ли суждено быть кульминационным годом в жизни русского крестьянина! Не ты ли, вместе с 27-м должны быть годами наивысшего расцвета в жизни русского народа – жизни полной, довольной, весёлой и счастливой, особенно на селе. Советская власть, народное правительство, дали полную волю русскому народу, особенно крестьянству. Народное хозяйство пошло в гору. Молодая, народная власть народ сподобляла, торговлю поощряла и религию не притесняла.

В мелких бакалейных лавках на селе и в крупных магазинах в городе стало можно купить всё, что душа пожелает. Да плюс к тому еще процветали базары и уличная торговля «с возу». По улицам села для продажи возили всякой всячины, от дегтя, горшков, ведер и гребней, до арбузов и патоки.

По зимам на улицах, «с воза», продавали горшки-крынки, гребни, мороженную рыбу, патоку. Навязчивым ребятишкам-шалунам, которые безотвязно следовали за возом и упрашивая донимали:

– Дяденька, влей на руку патки!

– Подставляй варежку! – и шутник-паточник наливал из ковша полную варежку, от чего вся варежка слипалась и становилась непригодной для обогрева руки. Парню, дома от матери попадала взбучка за порчу варежки.

В великом росте на улицах только и было слышно: «Масла! Масла!». Это масленники вызывали людей из домов, чтобы они покупали у них тёплое, еще не остывшее, пахучее, коноплянное или льняное масло. По веснам по улицам ездили дегтярники и зазывно кричали: «Дёгтю! Дёгтю!». В петровский пост на улицах то и дело раздавалось: «Луку! Луку, зеленого луку!», а то: «Воблы! Кому не надо ли воблы!». В июле кричали: «Вишни!». В августе, воз за возом, проезжали с яблоками: «Яблоки! Яблоки! Фунт на фунт на рожь! Три копейки на деньги!», – горласто выкрикивали Салалейские садоводы. А осенью, особенно к престольному празднику Покрову, откуда-то, в село, привозили арбузы и редко кто не купит, красный, зрелый и сахарно-сладкий арбуз, на потеху ребятишкам и для лакомства взрослыми. В сельских же лавках продавалось всячина, что нужно для семьи и необходимое для домашнего хозяйства, от соли, мыла и керосина, до конфет, семечек и орехов – девичьих потех. Покупать же у мотовиловцев было на что: сделанная токарем детская каталка стоит восемнадцать копеек, а на эти деньги можно купить килограмм добротной рыбы-сазана или полкило первосортной колбасы. Кустарь же ремесленник за рабочий день изготавливал шесть каталок.

Наживались лавочники по две копейки от проданного ими фунта продовольственного товара. Находились критики такой торговли. «Ах, вот обдирают народ! По две копейки с фунта наживаются!», – пожаловался Мишка Крестьянинов перед стариками, принеся из лавки Васюкина фунт семечек, за которые он уплатил пять копеек. В Арзамасе же, тот же фунт семечек стоил три копейки. «Погодите, придёт время обдирать народ будут не по две копейки, а по целковому!» – сказал дедушка.

Люди обзаводились хорошим скотом. Безлошадные хозяйства приобретали лошадей. Покупали коров, обновляли инвентарь, справляли добротную сбрую. Кто на свои накопленные, а кто брал во Вторусском кредитном товариществе деньги. Покупали веялки, молотилки, обновляли дворы, строили новые дома. Единственная отрицательная сторона этого времени – это то, что молодые поженившиеся люди обзаведясь своей семьёй, никак не хотели жить в большой семье отца. Они старались как можно скорее выделиться из отчего очага, выбраться в свой домик, завести своё хозяйство. Число семей в селе росло, дома для новых хозяйств, преимущественно, строились на концах улиц. Село росло, расплзалось во все стороны. Раз количество семей росло, дети нарождались, едоки прибывали, а значит пахотная земля в поле подле-

жала частому переделу. Земля, разделяемая по едакам – кроилась вдоль и поперёк, появилась узкополосица с частыми межами, а где межа там хлеб родится плохой. К тому же межа – это причина для споров.

На селе стала проводится просветительно-культурная работа. По средством «ликбеза», люди избавились от безграмотности, пожилые стали уметь расписываться, а молодёжь своими запросами пошла дальше этого. В праздничные дни стали заглядывать в избу-читальню, где просматривала и читала газеты и журналы, а то и сами стали их выписывать. В село из города стали наезжать лекторы и читали для народа лекции на разнообразные темы, представляющие жизненный интерес сельского жителя. По приезде такого лектора, сельский совет, посылал по селу извещать народ, нарядчика Михаила, по уличному прозвищу Пилата, которому для смелости и пушей храбрости перед этим подносили стаканчик водки. По домам он не ходил, а дойдя до перекрёстка останавливался и оперевшись на свою, с загнутым концом, деревянную клюшку, в окружении вездесущих ребятишек, орал во всё горло: «Граждане! Приходите в избу-читальню на собрание! Туда, из города, приехал лектор! Там вас научат как пахать, как рукам махать, как рожь сеять, как овес веять, как картошку садить, как похлёбку варить, как пироги печь, как болезни лечить, как кашу варить, как детей кормить!» – балагурил он, выдумывая эти прибаутки от себя. «Одним словом, приходите!», – заканчивал он своё уличное ораторство и переходил на другой сельский перекрёсток. Хотя редкие мужики и бабы, занятые делами подомашности, слышали уличный призыв Пилата, но слышали ребятишки, а они-то быстренько разнесут всё виденное и слышанное по всему селу.

В избу-читальню народу навалило уйма. Сравнительно не очень-то просторную половину здания, отведённую под читальню (в другой половине помещался сельский совет) наполнили до отказа. Лекция состояла из трёх частей. Открыл лекцию учитель Евгений Семёнович. Он говорил о народном просвещении, призывал всех учиться, чтобы неграмотные взрослые люди, без пропусков посещали «ликбез», а юноши и девушки на покидали школу из второго или третьего класса, как это часто бывает из-за нежелания родителей, чтобы их сыновья и дочери шлялись по школам, потому, что из-за домашних дел некогда заниматься этими пустяками. Если парень научился расписываться, или на заборе три буквы вывести и это гоже, а девкам и этого не надо – выйдут замуж, небось никакая грамотность не спонадобится. Евгений Семёнович подкреплял свою речь словами из народных пословиц и поговорок: «Учение – свет, а не учение – тьма! За одного учёного, двух неучёных дают! А пойти в науку – терпеть муку! Сперва аз, да буки, а потом и науки! Аз, буки, веда страшат как медведи! Азбуке учат, во всю избу кричат! Сытое брюхо к науке глухо! Повторенье – мать ученья!».

После учителя с лекций выступил агроном. Он разъяснил мужикам, как правильно обрабатывать землю, как бороться с сорняками, а лучшее средство для этого, перед посевом пропускать семена через сортировку «Триер». Он также упомянул о том как ухаживать за жеребями кобылами и стельными коровами. Он не упустил из-виду подсказать и пчеловодам о том, что надо периодически проверять пчёл в зимовниках, куда входить надо тихо, с фонарем с красными стёклами. Если ровный тихий гул – значит пчёлы спокойны. Если пчёлам жарко, то немножко приоткрыть дверь или поставить кадку со снегом, если холодно – зимовник следует утеплить дополнительно. Температуру определить градусником. Температура должна быть 5 градусов тепла. Следить, чтобы в зимовниках не было сырости, так как этого пчёлы не переносят. Если же в зимовники завелись мыши, то там произвести окуливание, сжигая гречневую солому. В заключении своей лекции, агроном порекомендовал мужикам, в конце каждого года произвести цифровой подсчёт рентабельности своего хозяйства и определить на сколько оно прибыльно.

Третьим с лекцией выступил врач. Он развесил на стенах плакаты с диаграммами и рисунками с голыми людьми, наглядно подкреплял свою речь о санитарии, гигиене и здоровье людей. Сидевшие на скамейках и с разинутыми ртами слушающие лектора, с большим внима-

нием вникали в суть слов врача. Он призывал, прежде всего, по возможности бороться за оздоровление быта, соблюдать чистоту в избах, не разводить грязь во дворах, которая способствует распространению заразы и болезней, бороться с мухами, покончить с невежеством – устраивая во дворе уборные, а не просто «где попало». Не загрязнять водоёмы, озеро и колодцы, так как они являются источником для питьевой воды. Не пить некипячёной воды. Лектор так же не оставил без внимания гигиены женщин, он всенародно упрекнул тех мужей, которые не освобождают от тяжёлых, изнурительных работ беременных жён. Кустарям напомнил о том, чтобы те почаще проветривали свои душные токарни, чтобы работали при хорошем освещении, имея доступ достаточного дневного света, а по ночам работать при лампе не менее в 10 линий. Свою лекцию закончил врач лозунгом: «Солнце, воздух, пища и вода – наши первые друзья!». Народ шумно переговариваясь стал выходить на улицу.

Трынковы. Сапожник Степан Меркурьев

Мысль о постройке мельницы, день и ночь не покидала мечтательную голову Ивана Трынкова. Она безотвязно сверлила его от природы способные планировать загадливые мозги. Лежа в постели, частенько он задумчиво размышлял о том, где в случае постройкой расположить свою мельницу, и мысленно выбирал под нее место около Соснового болота. Хотя там уже и стоит, махая крыльями, Егорова мельница, но и для моей места хватит, в тесноте – не в обиде. А подальше от села строить смысла нет, далеко ходить будет, много лишних лаптей попереизносишь. После выбора места все дело в его мечтах упиралось в средства, в деньги. Перед мужиками же о делах, он со всей правдой откровенничал: «У меня финансов – вместо кошелька с деньгами, в кармане портманет худой!». Как известно, мечтал он торговлю лаптями да плетухами открыть, и деньгу подзашибить, но дело не пошло. Своих лаптей плел он мало, по делам по сторожению церкви, не до них. В Румстиху за лаптями он собирался, а так и не угодил. И он решил про себя: «Вот продам, что есть у меня лаптишек, и, пожалуй, торговлю свою закрою». Денег нет, а расходы по ведению хозяйства свое требует, где соли с мылом купить, где налог уплатить. И он надумал сходить к Савельеву, денег перезанять.

Случается, же такое, что Трынков, как метит, под обед к ним попадает. Вот и на этот раз, вся семья Савельевых, только что помолившись, усаживалась за стол обедать.

– Хлеб да соль! – помолившись на образа, поприветствовал Иван хозяев дома.

– Просим милости обедать с нами, – ответствовал ему глава семьи Василий Ефимович.

– Спасибо, я только что из-за стола, – из вежливости схватнул Иван. – Я сегодня святым духом сыт, – похоже на истину, добавил он. – У меня, нынче, баба додумалась... похлёбку не сварила. Говорит, в пост не каждый день похлёбку варить. Да, кстати сказать, суровая-то похлёбка надоела, а грибов не запасли. Да ведь, как говорится, будет день – будет и пища.

– А я сегодня утром блины пекла, семья наелась, а вот снова обедать захотели, – вмешалась в разговор хозяйка Любовь Михайловна. – Не хочешь ли давешнего блина? На, подам, – обратилась она с предложением к Трынкову.

– Блин не клин, брюхо не расколется! – шутливо заметил Иван, – Давай, пожалуй, один блинок съем.

Хозяйка, подавая Ивану блин, обратилась к семье:

– Дохлёбывайте похлёбку-то, я картошку на стол подам.

Едя блин Иван высказался по адресу своей нерадивой к нему жены Прасковьи:

– Вот голова, баба у меня, не старается мужа накормить, а старается, как от этого отлынить. Дело в народе бают, жена да не убоится своего мужа! А ведь жена не лапот, с ноги не сбросишь! А, пожалуй, верно говорится: дважды жена для мужа милая бывает, когда в дом ее введут, и когда из дома понесут, – словами пословицы изрек Иван. – Вот, вещь какая, – своей уже поговоркой заключил он.

Когда Иван блин съел и поблагодарил за угощение под дружный перестук ложек за столом, он речь свою завёл на счет того, ради чего пришёл.

– У нас в доме делов этих, разродилось целая куча. А беда настигла – денег нет. А нужда пристегает, небось, без денег-то скажешься. А все это из-за того, что мы бестолково деньги расходуем, мозгой не ворочаем, когда их без дела тратим, – самокритично вел неторопко свою речь Иван. – И дело бают, прежде чем начать любое дело «Семь раз отмерь, а раз отрежь!»

Слушая эти Ивановы пословицы и приговорки, которые всем понятно издадека ведут к тому, что Иван пришёл с целью позаимствовать денег, Василий черпал из чашки масляную конопляным маслом кашу, мысленно вспоминал, как он однажды зашёл в избу к Трынковым, где было в действительности делов «целая куча». На полу полная неразбериха, навалена целая куча разной рухляди, так, что сам черт ноги сломает. Колька с Гришкой натаскали в избу и

разбросали по полу разного барахла, захламили всю избу. Тут валялись и коньки, и самодельные лыжи, птичья клетка, недоплетённый лапоть, лукошко с намороженным дном, а поверх всего этого салазки, внесенные в избу, видимо, для ремонта.

– Что, у вас так захлавлено и разбросано тут, словно медведь по пчельнику прошёлся в поисках меда, – заметил тогда, сидящей на лавке и полудремавшей хозяйке Прасковье, которая не только не унимала своих сыновей-проказников, а наоборот, с довольным видом и наслаждением наблюдала за их проказами.

Слушая гуд разговорной речи Ивана, Василий между прочим заметил ему:

– Пока ты, Иван Васильич, семь раз то будешь мерить, люди уж шабашить будут!

– Это, пожалуй, так, – наивно согласился Иван, пока не спуская с языка свою заветную мысль о просьбе денег.

– Я чувствую, что ты Иван Васильич, ко мне пришёл по какому-то делу? – чтоб прекратить затяжной разговор спросил Ивана Василий.

– Знамо по делу, – признался тот.

– Так по какому, говори прямо, без всяких закомуrows.

– Да я уж говорил. Нужда пристигла, до зарезу мне нужна пятерка денег, выручи, пожалуйста, меня деньжонками-то Василий Ефимыч. Я обрёл себе друга, думаю, больше не к кому мне обратиться, кроме тебя, – льстиво торочил Иван. – Если богатый деньжонками-то, выручай, – угрожающе добавил он.

– Деньжонки-то, пока, есть, а сколько бишь тебе нужно-то? – осведомился Василий у Ивана.

– Я уж баял, пять рублей, – заявил Иван.

Василию показалось, что Иван больно много заломил. «Вот люди нахальные какие, своих денег не имеют, а занимать идут не довольствуются малой суммой, рублевкой, скажем, а выдай им пятерку», – мысленно упрекал он Ивана. С некоторым недовольством Василий раздраженно высказался, но не в адрес Ивана и не только для его ушей:

– Чай у меня деньги-то не бешеные. Добром надо дорожить, а не растраниживать – деловито заметил он. – Деньги даешь займы руками, а получать долг приходится ногами, да хорошо еще, если тебя за выручку, не облают, в чем псы не лакают. Будешь с должника спрашивать долг, а он с упреком обрушится на тебя же, за свои-то денежки. Укорял, что ты привязался, разве я тебе не отдам, должен не спорю, отдам не скоро! Вот такие-то слова мне уж надоело от должников-то слышать, наговаривая напевал Василий.

– Уж я так-то не позволю. Что, я разве в своем дому не волен! – в свою защиту, выдал из себя раскрасневшийся Иван.

– Трёшницу могу дать, а пятёркой не располагаю, – наконец-то смиростивился Василий.

– Ну, хотя бы трёшницу, вынужденно согласился Иван.

Получив в руку трехрублёвую бумажку, Иван бережно всунул ее в карман и блаженно позёывая, сказал:

– Пойду доплетать лапоть, доплету, звонить пойду.

Трынков ушёл. Семья Савельевых стала выходить из-за стола. Обед кончился, все стали молиться богу с благодарностью за обед. Чтобы не забыть, Василий, подойдя к окну, и на закоптевшем стекле пальцем начертил: Ивану Тр. 3 рубля, а вскоре про эту запись забыл. Потеплело на улице, в избе окна заплакали и время Васильеву запись стерло. А когда он все же вспомнил, что Ивану давал денег займы, он метнулся к окну, а там уж никакой записи не было.

После обеда Василий, усылая сына Ваньку к сапожнику за починенными сапогами, наказывал:

– Поди-ка Ванька, сбегай к Степану Меркурьеву за твоими сапогами, он, наверно, подбил подмётки к ним. Деньги за работу ему я уже отдал. Ванька побежал вприпрыжку. Пересечя улицу, он заснеженную равнину озера миновал в три счета.

Живёт вдовец сапожник-старьевщик Степан со своими ребятишками на набережной улице. Собственно говоря, это вовсе не улица, а порядок из нескольких келий и этот порядок по своей протяжённости так мал, что если будучи на одном его конце могут чихнуть, то с другого конца услышишь: «Будь здоров!».

В ряду старушечьих келий, виднеется его покосившаяся, полувросшая в землю с приземистыми окошками избёнка. При входе в Степанову избушку, Ваньку обдало нестерпимой затхлостью и какой-то прочей вонью, какая обычно скапливается в избах, как результат крестьянского семейного быта. На него пахнуло скотным двором, плесенью, из кадушки с водой, стоявшей в углу, в которой, видимо, мочатся подметки и в которую, по всей приняхонности, в зимние стужи, мочится вся Степанова семья. Ванька отворил дверь, эту отгородку, отделяющую уличную волю от избяной тесноты с отвратительной ее вонью, какая на него пахнула. В чулане лежала важно и блаженно жевала жвачку коза. Около нее прыгали козлята.

– Дяденьк! Ты нам подбил подмётки-то? – обратился Ванька к Степану.

– А ты чей? – наивно осведомился Степан.

– Савельев! – ответил Ванька.

– Ах, Василия Ефимыча сын! Пока нет, вот сейчас берусь за ваши! – хлопотливо заговорил Степан и с этими словами махнул в угол в общую кучу обуви ожидающей ремонта, чьи-то недоремонтированные ботинки.

Степан, встав со своего рабочего места выпрямился и откинув очки с глаз на лоб, с полки достал Ванькины сапоги.

– Кольк, ты не знаешь, куда я подевал ихние подмётки, – обратился Степан к своему сыну-подмастерью.

– Нет, не знаю, – как-то безучастно ответил Колька, упористо с налёгом втыкая шило в подмётку отремонтированного им ботинка.

Степан в поисках подмёток, ринулся в угол, где навалом сложена целая куча старой кожаной и валяной обуви, ожидающей ремонта. Там же в углу валялись колодки и лоскутья деловой кожи. Не успел Степан нагнуться над этим старьем, как ему на спину вспрыгнул козлёнок и растопырившись задрав кверху хвост стал мочиться. Степан не сразу согнал со спины козлёнка, он видимо, придерживаясь правила не пугать зря скотину. Медленно выпрямился и козлёнок произвольно сполз с его спины на пол. Со Степановой спины на пол потекла струйка мочи, и покатались мелкие козлиные орешки, козлёнок на его спину успел и орешек насыпать.

– Вот вражья скотина! – хладнокровно выругался Степан, продолжая поиски подмёток.

– Куда это я их запьютил! – досадовал на себя Степан, – вроде вот тут я их засовывал. Ах, вот они! Наконец-то, – обрадовался Степан. – Вот и подмётки нашлись. Сейчас я берусь за ремонт ваших сапогов, – проговорил Степан, обращаясь к Ваньке.

– Так, что, приходи завтра! Они будут готовы.

Ванька вторично пришёл не «завтра», а через день, с полной надеждой получить свои отремонтированные сапоги. Но картина была та же – сапоги оказались не починены. Видимо, позавчера, как только Ванька ушел и захлопнул дверь Степановой избы, Степан махнул Ванькины сапоги в угол. Ванька был вынужден ходить к Степану до трёх раз. Ведь какой дурак неотложно берётся за выполнение работы, за которую оплачено вперед.

В третий-то раз отец наказал Ваньке, не уходить от Степана до тех пор, как он при нем к сапогам подобьёт подмётки.

Прибежав от сапожника, Ванька уселся за стол, занялся чтением книги. Он задался целью прочитать от корки до корки все книжки, которые скопились в санькиной домашней библиотеки, а в ней насчитывалось около 20 разнообразных книг. Из-за чтения книг Ванька избегал товарищей и не всегда с ними выходил на улицу, отказываясь – «некогда», и тем, что гулять в пост перед самым рождеством грешно. Вот придёт праздник, тогда и гулять можно.

Рождество. Святки. Минька Савельев

Вот и наступило Рождество – второй по значимости христианский праздник. Народ нарядно одевшись чинно и благородно сходяв на торжественное богослужение в церковь и сытно, по-праздничному пообедав, после продолжительного поста и сочельника в который не едят до звезды, выходит на улицу – блаженно отдыхает. Девки разрядившись в красивые, цветные, шерстяные полушалки, проходя по улицам села, показывают на себе свои наряды. Щелкая семечкам и орехами, они заботливо прикидывают у себя на уме, как лучше, красивее и уютнее разукрасить келью под святки. Парни-женихи, оглашая звуками гармоний, горделивыми петухами разгуливаясь вокруг села, любезно заигрывают с девками. На улицах нарядные толпы людей. Тут шум, гам, весёлый смех, песни, семечки, орехи и прочее.

Василий Ефимович Савельев, разодевшись во френч, на ногах бурки, сходил в лавку, накупив там всякой всячины на праздник. Он не забыл также купить там литрочку «Русской горькой» и пачку папирос «Фортуна», для угощения гостей, которые, не дожидаясь его приглашения, сами пожалуют к нему в дом. Первым, конечно, придёт дядя Федя Молодцов и Николай Смирнов тоже сюда заглянет. Да еще несколько мужиков не заставят долго ждать. После степенной выпивки завяжется деловой разговор под шелканье семечек и орехов, от курящихся папирос запахнет городом.

Василий Ефимович, к этому времени в возрасте 36 лет, среднего роста, упитанной комплекции, черноватый, лицо полное, видом приглядчивое, лоб широкий, линия черных волос над лбом, брови черные, глаза карие, нос средний закруглённый, ноздри полускрытые, рот средний с горизонтально расположенными углами, губы тонкие, верхняя губа с ромбовидной, неглубокой ямочкой, покрытая пышными черными усами с браво закрученными кончиками, борода чисто выбрита, подбородок полный, от упитанности закруглённый, уши овальные, среднего размера со слегка отвисшей мочкой, профиль лица волнистый. Характером вспыльчивый, твёрдый, не терпящий необоснованных возражений нрав. Темперамент подвижно-живой, деятельный. Речь внятная, краткая, поучительно-назидательная. Поведение скромное, совестливое, с реальным подходом к делу. Сильный, ловкий (хотя и левша), трудолюбивый. В расцвете полных сил и деятельности, он, важно восседая на семейном троне-кресле, блаженно дымил папироской. Хотя он и дымил, только при компании, но дымя, «в себя» не затягивал, а так просто любил папиросами гостей угощать и самому побаловаться. Недаром во время Гражданской войны, когда он служил на железной дороге, где-то достал пару заграничных сигар и ими угощал любителей покурить.

Алеша Крестьянинов долго хвалился перед мужиками:

– В былое время, куривал я у Василия Ефимовича сигары. Он ими всех угощал. Сначала-то я и не знал, которым концом сигара-то в рот берется, а потом разобрался, по ходу дыма. Бывало, покурим, покурим, а она словно и не убывает. Загасив отдадим ему обратно, а он ее снова в шкаф положит до следующего раза. А запах от нее такой приятный и душистый, что ни кури, то хочется, так бы и не выпускал ее изо рта. Пахнет от нее не только городом, а даже за границей, – расхваливал Васильевы сигары Алеша.

На второй день Рождества, разряженные девки в кельях парням на плечо клали традиционного «вьюна». Парни-женихи «припевая» своих невест, достаивались девичьего поцелуя, расплачиваясь при этом серебром.

Минька Савельев еще не забыл прошлогодней драки со своим соперником Ванькой Никитиным, после которой они стали непримиримыми врагами.

Миньке парни говаривали:

– Берегись, Ванька за побои тебе грозит!

– Видывали мы таких-то! – гордо и самонадеянно отговаривался на это Минька.

И драка, ровно через год, повторилась. Зашла Минькина артель товарищей-парней гулять в Шегалев. Ваньке вздумалось отомстить за прошлогоднее, он, воодушевленный тем, что случай подвернулся подходящий – соперник появился на их улице в Щегалове. Подбодряемый своими товарищами, Ванька подошёл в Миньке вплотную и преградив ему дорогу, вызывающе сказал:

– Ах, вот ты где мне попался!

Освобождая себе дорогу, Минька с силой оттолкнул Ваньку в стороны, тот не устояв на ногах рухнул в снег.

Ванька поднявшись, ярым петухом пошёл на Миньку:

– Ах, ты зашёл в наш конец да драться!

– А ты думал, как? – отважно, не робея и чувствуя близость своей артели парней, твёрдо заявил Минька.

– А за твою выходку осталось тебе только в рожу дать, за чем, конечно дело не встанет, – и Минька с размаху приложил свой увесистый кулак к Ванькиным скулам. Драка не разгорелась, а сама по себе прекратилась. Минькина артель парней спокойненько, мимо церкви, пошла на Мотору. Вслед уходящим парням Ванька размахивая кулаками кричал Миньке:

– Я тебе грозил, и буду грозить!

При встречах со своей обречённой невестой Манькой Лабиной, Минька чувствовал счастливым, он любовно относился к ней, и она ему на это отвечала тем же. На святках они обоюдно любезничали. Минька нарочито не раз, «припевал» ее. И в конце величальной песни, обняв ее за плечи, крепко прижимая к себе, сладостно целовал. В селе знали о любовных отношениях этой пары. Знали и их отцы с матерями. Все дело шло к тому, что Василий Савельев породнится с Василием Лабиновым.

– Как бы нам с Василием Григорьевичем завязать знакомство поближе, вплотную, – как-то высказал намерение Василий Ефимович перед женой, имея в виду поближе познакомиться перед тем, как быть сватями.

– Не плохо было бы, зазвав заполнить его к нам в дом и потолковать об этом деле.

– А вот придёт он к тебе за деньгами в долг просить, мы и закинем об этом словечко, – высказывала свой план Любовь Михайловна.

– И то дело! – согласился Василий.

– А может, ты к ним сам сходишь? Ты, быват, выпроси их хорошенько, так мол и так, – предложила она сходить ему самому к Лабиным, не дожидаясь, когда придёт Василий Григорьевич.

– Есть мне, когда по людям ендать! – огрызнулся Василий, не любивший зря ходить к людям. – Вот придёт за деньгами, я и заведу разговор о детях, – высказал свой задуманный план Василий.

Как-то встретил Савельев Лабина на улице. Василий Ефимович, приветливо и мягко улыбаясь, поздоровался с Василием Григорьевичем, захватисто вложив в свою широченную, черствую, как лист подсолнечника, руку, не натруженную, мягкую ладонь Лабина.

– Ты что-то, Василий Григорьевич, давненько ко мне за деньгами-то не наведывался, деловито начал разговор Савельев.

– Да все обходимся. Я тут, как-то, ходил в Чернуху на почту, получил переводом деньги, со всеми расплатился, – так же деловито объяснил Савельеву Лабин.

– Ты ко мне, нужда пристигнёт, заходи, деньги у меня всегда есть, – на перевёрт всегда выручу, – предложил свои услуги Савельев.

– Ладно, зайду, – пообещал Лабин, догадываясь о причине зазыва Савельевым.

И Лабин чаще стал навещать дом Савельевых, чаще стал открываться заветный сундук с деньгами Василия Ефимовича, но разговор о сватовстве между ними был обоюдно сдержанным, оба они к этому вопросу относились с осторожностью, с мыслями: «Как бы преждевременно не наломать дров».

В буйной ярости прошли святки, на которых парни-женихи окончательно, втайне, для себя определили невест, а невесты, тайно от подруг, присмотрели для себя женихов. Теперь все дело за женитьбой. Но вот беда, некоторые парни-женихи не вышли еще в годы, а Миньке Савельеву, всего только с Михайлова дня пошёл восемнадцатый год, поп не станет венчать, и поэтому женитьбу его отложили до весны. Бабы, интересуясь о том, когда состоится Минькина свадьба, получали ответ от его матери Любови Михайловны:

– Обреклись мы его женить весной, после Пасхи, а теперь еще он молод. Сряды мы ему насряжали всякой: брюки-клеш суконные справили, коробочные ботинки купили, толстовку сшили, – ликовала перед бабами Любовь Михайловна, гордясь сыном Минькой – знатным и почётным женихом во всем селе, а таких почетных женихов не так-то много.

Крещение – Иордань. Морозы. Рыба. Яшка

Накануне Крещения в Сочельник днем на небе была наволока, а под вечер небо выяснилось. Стал крепчать мороз. А крещенские морозы беспощадно давят землю, немилосердно прищемляют всякую живую тварь. Небо вызвездилось. На юго-востоке, не высоко над горизонтом, в полулежащем положении виднелось созвездие «Орион», над самой головой «Кассиопея», а немного восточнее «Стожары». На западе, вдалеке, похожий на золотые искособоченные рога, опускаясь к горизонту, светился молодой месяц. Вскоре, один его рог уже спрятался за отдалённым лесом, и другой, постепенно погружаясь за рубцеватый лесной край, медленно таял. Он с минуту виднелся над лесом, а потом совсем исчез. А мороз все сильнее сковывал землю, давил на постройки, послышались потрескивание тесовых крыш.

С вечера, бабушка Евлинья Савельева, одевшись в свою овчинную шубу, вышла на улицу. Она приметливо посмотрела на небо, отыскала в нем мерцающие «Стожары», зябко вздрогнув, поспешила в избу.

– Эх, на улице-то и холодище! Не истопить ли нам в избе-то? Вась? – обратилась она к сыну Василию Ефимовичу.

– Принеси-ка дровец, надо истопить галанку, а то я выходила на улицу, мороз по коже дерет.

Голанку истопили, в верхней избе стало еще теплее. Семья, вымывшись в бане, уселась в верхней за столом чаевничать.

– Надо поставить чайник на конфорку, чай наварится, вкуснее будет, аромат появится, – предложила Любовь Михайловна.

Пожалуй, только одна она в семье понимала и разбиралась в ароматах чая.

– Налейте-ка мне чайку в черепок-блюдо? – обратилась к кому-то бабушка.

Ей налили. После чая, Санька углем начертил над окнами традиционные кресты и вся семья легла спать, ночью, в два часа ударят к заутрене: все, кроме малых детей – Васьки, Володьки, Никишки и бабушки должны быть в церкви.

В два часа ночи, над селом призывно загудел колокол. В избах зажигались лампы, в окнах засветились желтоватые огни. Люди кашляя, выходили на улицу, спеша шли в церковь. После заутрени с ее торжественным священнопением: «Иордан возвратится вспять!» вскоре началась обедня, а после обедни с крестным ходом народ из церкви, под ликующий трезвон колоколов, вышел на лед озера – на «Иордань».

Еще накануне, в озёрном льду, вырубали больших размеров крест с копьём, иссопом, и купальню под ними, красочно расцветив их молодыми елями, вот это и есть прообраз реки Иордань, в которой крестился Иисус Христос.

Когда народ, нарядной толпой окружил «Иордань» по обеим сторонам креста, и в купели пробили пробоины – вода из пробоин хлынула фонтаном. Началось богослужение молебна. В момент пения «И дух в виде голубки», кто-то выпустил из рук живого голубя, предусмотрительно пойманного на церковном чердаке. Лед, под огромной толпой, угрожающе трещал. В пробоины из-под льда, вместе с водой, выплывала рыба. Неугомонные ребяташки, азартно ловили руками эту рыбу, раскарячисто прыгая по воде, нарушая этим общий порядок при богослужении.

Василий Ефимович, уткнувшись в тепло меховой подкладки френчука, поя, зорко наблюдал за всем происходившим тут, порой укрощая бегающих по воде ребяташек. Ванька Савельев с Серёжкой Додоновым, облачённые в стихари, с большими свечками в руках, около переносного престола, где стояли поп с дьяконом, застыли в торжественных позах. По окончании Иорданского молебна, народ стал расходиться по домам. Василий Ефимович, наклонив-

шись, зачерпнул в кувшин крещенской воды и из купели вынул большого карася. Принёс его домой, где он был зажарен.

После краткого послеобеденного отдыха, народ, по-праздничному разодетый высыпал на улицу. Несмотря на крепкий мороз, люди разгуливались по улицам села. Неусидчивые парни и разнаряжённые девки, забавляясь семечками и орехами, весело посмеиваясь, расхаживались вдоль улицы. В таком же непринуждённом праздничном настроении, люди села провели и последующий день – праздник Иоанна Крестителя. После этих двух праздников наступила сравнительно глухая пора, люди занимались своими домашними делами. Мужики ухаживали за скотиной, молодежь в токарях за станком добывали деньги, а бабы управившись со стряпней у печки, старались собраться в кучки и в избном тепле побеседовать, перетрясти сельские новости.

– Ты, когда к нам в посиделки-то придёшь? – спросила Любовь Михайловна у дальней родственницы Катерины, случайно встретившейся ей на улице.

– Ладно, как-нибудь приду, – пообещала та.

Ждать Катерину долго не пришлось, она появилась в доме Савельевых на другой же день, захватив с собой вязание – клубок шерстяной пряжи и спицы. Она, раздевшись, расположилась на передней лавке в верхней избе. К ней под села с подшиванием детского белья, готовя его к бане, сама хозяйка, а вскоре, кстати, к Савельевым заглянула соседка Анна с внуком Яшкой на руках. Рассевшись вблизи стола, бабы, занимаясь каждая своим делом, начали беседу, которая у них всегда желанная и бесконечная. Пущенный на пол Яшка подполз к порогу, начал играя, забавляться с веником. Анна, подскочив к нему, начала отнимать из рук у него веник:

– Не бери в руки, брось, это бяка! Не озоруй, ато бука тебя съест! – всячески страшила она Яшку.

Но не тут-то было. Яшка, заупрямившись, никак не хотел расставаться с веником, а когда Анна все же вырвала его из рук, Яшка дико завизжал, и широко разинув рот, заорал. В зыбке, на пружине, подвешенной к потолку, разбуженный Яшкиным криком, завозился Никишка. Зыбка судорожно заколыхалась. Ребенок завозился, закричал, заплакал, а потом, всхлипнув закричал.

– Ну, и Яшка у тебя зевластый, визжит словно его режут. Ребенка разбудил, так разбудил, – с нескрываемым недовольством заметила хозяйка Анне.

– Я не виновата, что он такой пискун уродился, вылупившегося цыпленка обратно в яйцо не затолкаешь, – оправдываясь, Анна посадила Яшку голой попой на диван.

– Не подходи к краю, ато бухнешься, бух! – поучала бабушка Яшку.

А тот не понимал бабушкиных назиданий, как непоседа, лез куда ему не велено, а будет Анна его унимать, он снова визгливо закричит, завоет, капризно брякнется, задёргает ногами. А детский плач, кого так за душу возьмёт и сердце защемит.

– Перестань выть-то, ато отколочу! – не выдержав Яшкиных капризных слез пообещала ему Анна.

– А ты пострадай его букой, – порекомендовала Катерина, он и перестанет выть-то.

– Не боится он никаких буков, – заметила Анна.

А Яшка, несмело шагая своими голыми кривоватыми ногами по полу, вдруг зашатался, хлопнулся и заорал еще пуще. Стоило Анне, из-под ног его убрать соломинку и поругать ее, якобы споткнувшегося через которую и упал Яшка, он тут же плакать перестал. Не прошло и минуты, как ползучий Яшка запросился какать.

– Вот только этого и не хватало! – досадливо проговорила Анна, усадив Яшку на деревянную лопатку, предназначенную специально для этой цели, для малышей в семье Савельевых.

Успокоивши Яшку, Любовь Михайловна с бабушкой взялись успокаивать не на шутку расплакавшегося к этому времени Никишку.

– А ты переверни его, в тёпленькую пелёнку запеленай, и опять уложи в зыбку, он и успокоится, – участливо проговорила Катерина.

– Нет, сперва надо его кашкой покормить! – сказала мать.

– Будешь кашку, – обратилась она к малышу Никитке, тот понимающе беспокойно мыкнул.

– Сичас, сичас накормим!

Из нижней избы, Володькой была принесена для Никишки в горшочке каша.

– Уж больно, ты кашу-то круту сварила, разве можно ребенку ее разжевать, она тебе-то ито не зубам будет! – заметила хозяйке Анна, а сама, чтоб не дать снова разбеспокоиться Яшке играть, забавлялась с ним.

Она сложив пальцы в виде козых рожек, в воздухе покачивая ими, настроила на Яшку, слегка укалывая «рожками», а его грудь, приговаривала:

– Коза идет, кто громко ревет, того пырь, пырь, пырь.

Яшке, видимо, это нравилось, ему было щекотно и забавно от этого, он наивно заливался смехом и не думал плакать. Кормя Никишку кашей, Любовь Михайловна для резания каши, спонадобился хлебный нож, она ища его в чулане спрашивала сама себя: «Куда я ножик подевала? Никак не найду».

– Его Васька изломил, под ножку стола засунул. Погнул, он хруп и лопнул, – разоблачающее сунулся с языком Володька.

– Да портрет ты мой написанный, а не парень, – хвалебно проговорив, заметила мать, поцеловав в кудрявую головку Володьку.

– Гляди в подпол не упали, я за картошкой слажу! – предупредила она Володьку, открыв западную и улезая в подпол.

Из верхней избы слышалось тихое, тягучее с напевом баюканье, это бабушка Евлинья в зыбке укачивала Никишку. Вынув из подпола картошку, Любовь Михайловна по лестнице снова улезла в верхнюю, а там, сидя за столом из-за каши расшумелись, распищались шалуны Ванька с Васькой и Володька тут.

– А вы не пинайтесь, что у вас ноги-то ходуном ходят! – строго унимала их мать. – Вот черти неугомонные, и днем и ночью барахтаются, возятся как черти в сушке. Не озоруйте, ато вам отец ужо задаст! Вот досужие! Везде лезут, все равно, что черви у них в заднице. Совсем затеребили, весь сарафан на мне измызгали! – незлобно ворчала Любовь Михайловна на своих детей.

Посвятив жизнь свою семье, она растила, жалела и сокрушалась о детях, не жалея своего здоровья. Болезненно переживала все неполадки в семье касающиеся кого-либо из ее детей. Она сама лично почти никогда и не наказывала своих детей, болезненно воспринимая любое телесное наказание со стороны отца. Но не наказывать детей за проступки, это все равно, что поощрять в проказах им. И вот за то, что Васька по неумышленности изломал ножик, она все же решила его наказать, дабы неповадно было впредь ему и остальным.

– Вот отец узнает, даст тебе за это взбучку. А то и сама тебя за волосы оттаскаю, – незлобливо страшила она Ваську.

– Я их семерых вырастила, небось досталось, да телят каждый год для семьи выпаиваю по теленку, а это все без труда и хлопот не дается! – высказывалась она перед бабами. – Каждого надо накормить, напоить, обшить, обмыть, для такой оравы настрять и все через мои руки проходит.

– В городе, бают, хлеб дорожает, мы с Федором уталакались в Константиново съездить, там может подешевле. Между прочим, уведомила баб Анна

– Ладно, мы еще в прошлом годе, не поробели, в городе хлеба подкупили. Теперь гоже с запасом-то! – по хозяйственному информировала она баб.

– Как ты, Любаньк думаешь? Чего бы мне Марье Кочеврягиной «на зубок» снести?

– Иль она родила?

– Ну, да, только не родила, а выкинула.

– Это отчего же?

– Гм, чай известно дело. Третьего дни Митька накатыл снегу ком, да вроде, как из-за любезности, бросил им в нее, а как-то угодил ей по животу. Вот она в ночи-то и скинула, – с подробностями оповестила Анна.

– А свекровь то бает, что она скинула не из-за Митьки, а грит, ее колдун испортил, – вступила в разговор Катерина.

– Митка-то сам как колдун, озорует там, где не попадая, – обвиняя Митьку заключила разговор об этом Анна.

– А я восей, Марье Ивановне «на зубок-то» снесла пирог, во весь стол! Начинила его сорочинской кашей с яйцами, – осведомила Любовь Михайловна Анну.

– Ну, тогда и я сделаю так же, – согласилась Анна.

– Ведь ты, Анн, сказала, что Марья-то скинула, так зубок-то зачем? Ведь ребенок-то мертвенький? – пытаюсь уяснить, высказывала свое мнение Катерина.

– Хоть он и мертвенький, а «на зубок» все равно надо, раз так заведено, – пояснила Анна. После этого соседка Анна со своим надоедливym Яшкой ушла, а Савельевы стали обедать угощая гостью Катерину.

День был не постный. Сначала хозяйка на стол подала большую, семейную эмалированную чашку жирных, из свинины, щей. Увивающаяся около ног хозяйки кошка, замурчав, просила есть. Василий, выловив из чашки голый мосол, бросил ей под стол. Кошка принялась глотать мосол, шумно катая его по полу.

– На нас вчера такой едун напал, что я едва свою семью накормила. Я им из чулана на стол стряпню подтаскиваю, а они как метлой метут, – между прочим перед Катериной упомянула хозяйка дома.

– Спасибо вам за хлеб, за соль, – поблагодарила хозяев за обед, вылезая из-за стола и молясь на иконы.

– Не стоит благодарности! – отозвалась хозяйка, – Ты ведь у нас часто бываешь.

Холода. Хозяйство. Савельевы

Стоят январские лютые холода, тяжёлым гнетом давят землю, ища, где она плохо прикрыта снегом. Весь животный мир ищет себе укромное место, где бы спрятаться, подыскивая себе место, где потеплее. Человек укрывался в теплоте избы, звери забились в норы и логова, птицы упрятались в дупла, воробьи предусмотрительно жмутся ближе к человеческому жилью. Под вечер, они молчаливо усаживаются на голых ветвях сирени, выжидая время, когда обезлюдится улица, чтоб незаметно от человеческих глаз юркнуть под застреху для ночлега.

В такие нестерпимые стужи, скотина во дворе (если у кого нет конюшника), зябко стоит, перемежается с ноги на ногу, стараясь хоть как-то согреться и дожидаться до утра, когда хозяин или хозяйка выйдут во двор и бросят в ясли клочок сена.

У Савельева Василия много скотины, и она на морозное время вся упрятана в просторный конюшник. Один Серый зимует на холоду в хлеве, но он не жалуется на хозяина, серый зимует сытно: овес и сено у него в яслях и колоде не переводятся. У Савельевых и сено не экономят, обильно бросают его в ясли скоту, но неумело и халатно часто бросают его под ноги скотине. Будучи сам аккуратным и рационально расчётливым, Василий Ефимович всеми силами души не переносит халатности. Сходив во двор, и заметя там халатность в даче скотине сена, он вернулся в избу, и от дворного холода зябко передернув плечами, не обращаясь ни к кому, принялся ругать семью: «Видно вам на башке-то хоть кол теши – вы все равно не понимаете, опять за свое. Сколько раз было говорено, не сорите сено скотине под ноги. Его ведь ногами-то истоптать можно много, и оно все пойдёт бестолку», – назидательно высказывал он недовольство всей семье. В нем, как в самоваре вода бурля, перекипала досада и зло на семью, которая не всегда придерживалась тех правил экономии и бережливости в хозяйственных делах. На замечания же посторонних, которые спрашивали его: «Что ты, Василий Ефимыч, за всякую пустяковину ругаешь семью!» Он деловито отвечал:

– Мужику-хозяину в хозяйстве не ругаться, все едино, что молчать! Хозяйство вести – не руками трясти! – народной пословицей заключал он.

Он же, как радивый хозяин, озабоченно наблюдал за своим хозяйством и постоянно был напыщен тревогой о благополучии в нем. Имея пытливый ум, и здравый рассудок, он, в своем хозяйстве, старался завести новшества и порядки, чем-либо, а отличающиеся от обычных. Считая себя достойным подражания и зная себе цену, он чувствовал себя самоуверенно и не допускал возражений.

Вот и в этот раз, придя со двора и упрекая семью в небрежности, он ища по печуркам свои варьги, сердито брюзжал на семью:

– Куда мои варьги захотели, в потребилку хочу сходить, а варьги никак не найду. Куда засунули супостаты! Обыскался и не найду!

– Что ты нынче, какой злой и сурьезный?! – упрекнула его Любовь Михайловна.

– Пожалуй, будешь сурьезный. Гоже тебе с готовеньким сеном и дровами, не как некоторые перебиваются с полена на полено, у нас дрова-то всегда свеженькие, каждый день вновь напильные, у некоторых, как печь затоплять, так и в лес ехать.

– Так-то не приведи Господи!

– А у нас дров-то на всю зиму запасено и сено-то не ужурёно! – между дел наговаривал он семье, – А куда все же, варьги-то у меня подевались?

– Черти с квасом выхлебали! – не выдержав, с досадой проговорила Любовь Михайловна, – Век ты ничего не найдёшь, – с недовольством упрекнула она его.

– Да ведь я их на печурку клал, а там их не оказалось, куда их запотили?!

– Да погляди на пече!

– Ну, изволь радоваться! Да какой лукавый их на печь-то положил?! – ворчал Василий Ефимович, надевая варежки на руки и готовившись к выходу из избы.

– Смотри не пропади, скоро ужинать будем, семья ждать тебя не будет! – предупредила его Любовь Михайловна.

– Я не долго, живой рукой схожу – одна нога здесь, другая там, – полушутливо отозвался с порога глава семьи.

Но, Василий Ефимович, в кооперативной лавке задержался. В ожидании своей очереди, ему пришлось выстоять близ часу. К тому же, ему пришлось поспорить из-за очереди с одним парнем из Шагалова, который нахально впёрся в лавку и нарушил степенный порядок очереди.

– Ты куда прёшь! – не сказал, а грозно выдохнул Василий Ефимович на него. – Што вылупил буркалы-то, осади назад, ато сброшу! – складывая в кармане пальцы в упругие кулаки угрожал он ему. – Вот хмыстнуть в харю-то и будешь знать! – грозно наступая на нарушителя очереди, не унимался разозлившийся Василий.

Пока Василий Ефимович ходил в лавку за покупками, семья, не дождавшись его, поужинала, и легла спать. Домой возвратился он голодный и злой.

– Чего-бы пожрать? – обратился он к жене.

– Вынь из печи чугунок со щами и ешь, – отозвалась та.

Хлебая жирные щи, и со свистом высасывая мозг из мослов. Василий Ефимович спохваченно жаловался жене:

– Ну, и нахальный же Кузьма Оглобин, так и выклянчил в лавке у меня пятерку денег! У них вся порода такая, нахалы, у мертвого выпросят! А сколько раз я зарекался людям взаймы деньги давать. Ведь дашь – только себя выучишь! Отдашь руками, а получать будешь ногами, да тебя же, за свои трудовые денежки облают, в чем псы не лакают! – ужиная, беседовал сам с собою Василий Ефимович, под шум перекатывающегося мосла, которым шумел под столом кот, обглаживая его.

Федотовы. Женидьба Павла

Время подошло. Надумали Федотовы Павла женить. Мать с отцом, через людей узнали, что невеста-то у Павла – Анка Крестьяникова. Дело было еще с осени, как раз на Кузьминки, надумали Федотовы капусту тятать, на помощь пригласили Анку. Бабы капусту в колоде тятаят, а ребяташки, наслаждаясь, ели кочерыжки, с хрустом уплетая за обе щеки. Чтобы привлечь к себе внимание Павла, Анка, любезно улыбаясь, подала ему очищенный кочан. Павел тоже не остался в долгу, он незаметно от людей, с усмешкой, лаптем пощекотал Анкину ногу в икру. С этого момента они поняли друг друга. Так, они нечаянно познакомившись, врезались друг в дружку.

Вечером того дня, Павел, встретив Анку на улице одну, спросил ее:

– Как бы с тобой завести разговор, а потом завязать дружбу, а там, глядишь, и обоюдная любовь откроется.

Анка на это Павлу дала полное согласие. С Ванькой Шаталовым, встречаться домашние запретили, да и подруги ее застращали с ним встречаться наедине. Так она поразмыслила, лучше себе жениха, как Павел и не найти. Они в тот вечер загулялись до поздна и Анка вспомнив строгость старших в своей семье, с грустью проговорила Павлу:

– Кажись, мы с тобой загулялись, пора и по домам.

С того вечера и завязалась между Павлом и Анкой взаимная любовь. Надумав женить Павла, отец с матерью, чтоб заранее уладить дело, в сватне, для этого решили нанять Анну Гуляеву – она-то все дело уладит.

Анна Гуляева явилась к Федотовым как раз под обед. Вся семья сидела за столом, ели картошку из чугуна с огурцами.

– Хлеб да соль, – вежливо поприветствовала Анна хозяев.

– Просим милости обедать с нами! – из приличия пригласил Иван гостью.

– Нет, спасибо, я сичас только из-за стола, – соврала Анна, – А вам приятного вапетиту! – от души пожелал Анна обедающим.

– У нас и так вапетит – не жовано летит! – смеясь и потрясая козлиной бородкой, отшутился Иван. – Семья большая, целый чугунок картошки с огурцами разыграли, и полчугуна похлёбки оплели. Только на стол подтаскивай. У нашей стряпухи нынче вся похлёбка выкипела, осталась одна гуща, она набузырила в чугунок воды, мы и то в охотку все выхлебали, – облизывая ложку, балагурил с Анной Иван, разглашая стряпухину оплошность.

– А как в голодные-то годы жили, небось, брюха-то не распускали! – как-бы оправдываясь, вступила в разговор Дарья.

Анна, усевшись на лавке, зорко наблюдала за тем, что происходило за столом. Она пытующим взором осмотрела допотопную солоницу, вековые, почерневшие от времени и выщербленные ложки, перекинула взгляд на загрязненный драный столешник. Иван заметя Аннин блуждающий взгляд, предусмотрительно завернул замызганный край столешника наизнанку, спрятав обличительную грязноту.

– Мы, ждавши, заждались свою корову. Кесь она и не отелится, наголодовались без молока-то, нарушать ее жалко, она у нас доморощенная, я сама ее теленком выпоила, а мясо-то блюдем к свадьбе, – высказалась Дарья.

– Что-то мне нынче занеможивается, жар во всем теле, должно быть где-то грибок схватил, – вылезая из-за стола и помолившись, зябко передернувшись всем телом, проговорил Иван, готовясь залезть на печь. Он притворно кряхтя полез на печь с намерением там погреться.

– А ты в бане попарься – весь гриб из тебя выпотится и боль, как рукой снимет, – участливо порекомендовала Анна.

– А бают в баню с грибом-то не ходют, – заметила Дарья.

– Что ты! – удивилась Анна, – я на себе испытала, я тоже грибом хворала, сходила в баню, там у меня пот выступил крупными пупырышками по всему телу, все прошло, и кашель кончился!

– Ну, и слава Богу! – согласилась с ней Дарья.

– Сергуньк, сходите-ка с Санькой в сарай, принесите оттуда вязанку соломы на подстилку скотине! – распорядился Иван, стараясь отослать меньших сыновей, с намерением избавиться от них при деловом разговоре с Анной о сватие.

– Санька-то у нас больно на язык-то востёр, при нем разговор хоть не заводи, живо все на улице разболтает, – неодобрительно высказался о Саньке отец.

– У него не удержится! – подтвердила и мать Дарья, как только Сергунька с Санькой вышли.

– Как-бы тебя Дорофеевна наладить сходить к Крестьяниновым насчёт сватии с ними побайть, – перейдя к деловому разговору, обратился с печи Иван к Анне.

– Как?! Очень просто, схожу и потолкую, все дело улажу, – охотно согласилась Анна.

– Ты быват, закинь словца два на эту тему. Узнай все, вынюхай и выпроси их хорошенько! – давая указания, напутствовал он ей.

А у Гуляевой Анны и без наказов редко, когда срывалось дело по усватыванию невест. Она своим словоохотливым языком почти всегда при сватие склеивала жениха с невестой воедино. Так и на этот раз, она с трепетом сходила к Крестьяниновым, все дело уладила.

Придя к Федотовым, она доложила Ивану с Дарьей:

– Все договорено – готовьтесь с рукобильем.

Наутро, Павел, придя к Савельевым, доложил им:

– Я в мужики записался, вечер за меня усватали!

– Ну, вырядили? – спросил Василий у Павла.

– А как же, – ответил тот, – в три святителя будет запой, а свадьба во Встретенье! Оповестил Савельевых Павел.

После ухода Павла, вскоре к ним заявила и соседка Анна Крестьянинова. Она поделилась с Любовью Михайловной о том, что Анку пришлось просватать.

– Ну и сватья вечер на нас напхалась, так мы и не отбоярились! – притворно жаловалась она соседям.

– Чай вам Анку-то не на засол оставлять! – высказала свое мнение Любовь Михайловна.

– И то дело! – согласилась Анна, – я и так боялась за нее, как бы парни не перепортили! – сокрушаясь, добавила она. – Теперь затеялась у нас свадьба, всего много спонадобится, все надо припасать, – заботливо хлопотала Анна.

И с жениховой стороны хлопот и разорений не мало, исстари так водится, надо к свадьбе подготовиться и невесте все справить, что выговорено при сватне.

В праздник «Три святителя», Павел со своей наречённой невестой Анкой сидел, как полагается, рядом. Он стыдливо, искоса поглядел на нее, заметил на ее лице добрую, миловидную улыбку, он ей ответил тем же. Она, скатав в руке из хлебного мякиша шарик, из любезности бросила в него, попала прямо ему в глаз. От боли он заморщился и наклонившись зажал зашибленный глаз ладонью. Она испуганно заволновалась, но он, выпрямившись, улыбочиво взглянул на нее, она облегченно тоже улыбнулась.

После запоя, в обоих домах, у жениха и у невесты деятельно развернулись хлопоты по подготовке к свадьбе, которая намечена на «Сретенье». Готовясь к свадьбе бабы хлопотали

с тестом для пироженцев и курников, а мужики были заняты около самогонных аппаратов. Спешно гнали самогон.

Иван Федотов по делу отлучаясь от аппарата, деловито наказал своей Дарье:

– Смотри не проворонь! Много-то не подкладывай дров-то, как-бы бардой не пошла.

А Дарья, как на грех и проглядела. Отвернувшись взглянуть на тесто, дрова разгорелись, огонь разбушевался, самогонка пошла бардой, испортив краснотой с полведра готовой продукции. По возвращении Иван пожурил Дарью за недогляд, а потом, смиряясь: «Вот тебе НА! за то, что наказал, она прозевала!», – улыбаясь, проговорил:

– Ну, не беда, на свадьбе и такую выпьют. Сначала-то будем угощать хорошей, а на версытку эту подадим. Пьяные-то мужики и эту вылакают!

– И это дело, им только подавай, без закуски высосут! – согласилась Дарья.

Накануне свадьбы перед девичником, Дарья хвалебно докладывала бабам-соседкам:

– Я на свадьбу, на закуску напекла два решета пироженцев, завитушек и курник состряпала во весь стол.

В день свадьбы, после венчания, молодых из церкви привезли на разукрашенных лентами и колокольчиками, лошадях. Павел и Анка, вылезши из санок, подошли под благословение Ивана и Дарьи, которые встречали молодых у широко распахнутых ворот с хлебом-солью. Вскоре в дом Федотовых пришли и сватья. Гости и хозяева взаимно перецеловались, и начался пир. После первого выпитого стакана гости за столами шумно разговорились, после второго запели песню, а потом, изрядно подвыпив, начали кто во что горазд. Беспрестанно заставляли молодых целоваться, сами лезли к ним – слюняво целовали их, заставляли молодых друг друга называть по имени и отчеству. Снова выпивали, пели, плясали, дурачились. Вздурившись от выпитой не в меру крепкой и мутной (от барды) самогонки, бабы развеселились вовсю.

– Ты что пьешь, а не закусываешь? – спросил сосед по лавке, Митьку Кочеврягина, участвовавшего здесь на пиру в качестве дальнего родственника гостя.

– Чай, я не играть сюда пришёл! – наивно ответил Митька.

– Ага, значит, ты сюда заявился, не закуску жрать, а самогонку лопать! – осуждающе заключил сосед, подметив то, что Митька без соблюдения нормы налегает на самогон. И даром не прошло. Под конец пира, совсем одуревший Митька взбаламутил весь пир, очумело размахивая руками, он ошалело и бессвязно орал во всю глотку, норовя ударить скромных, втихомолку сидящих гостей. Широко распылив рот он неистово орал:

– У нашего свата, голова космата, сват космами потрясёт мне в кастрюле поднесёт!

– Сват, а ты влей ему в хайло-то из банного ковши, может задохнётся, – предложил Ивану кто-то из гостей.

– Я не только из банного ковшика, я из кошачьего черепка выпью! – пьяно качаясь слюняво выкрикивая, гордился Митька.

Пьяные гости совсем очумели: барахтаются взаду избы около порога, неудержимо на ногах, как снопы брякаются на пол, как-бы готовясь наперебой занять место рядом с веником.

Глядит и не наглядится, примостившись на печи, обливаясь потом, посторонняя глядательница Татьяна Оглоблина. Мимо ее взора не прошла ни малейшая подробность прохождения пира, и все выходки гостей попали ей на замечание.

На второй день свадьбы, Татьяне было, о чем поталакать с бабами на озере, во время ходьбы туда за водой с ведрами. И хозяину дома, где проходит свадьба, Ивану Федотову тоже есть о чем вспомнить прошедший вчерашний день. Упохмеляя мужиков, сошедшихся к нему спозаранку, чтобы подлечить трещащие с похмелья головы, Иван громко глаголил: «Вчерашний день прошёл, для нас как гору с плеч свалили!»

– Ты вон как всех напоил, чуть ли не до усранова! – с похвалой хозяина, отозвался один из опохмеляющихся мужиков.

– А вчерась, гость-то Митка-то чего отчублучил?! – с довольной улыбкой на лице, освещая мужиков, проговорил Иван.

– А что?

– Вчера после пира почти что все гости из избы ушли, а он остался. Уж он ломался, ломался, из себя выкобеливая какого-то чумака, а потом подкарячился к порогу и давай сцать в угол, а там пьяный Селион спал, так он чуть ни на его намочил. Пришлось Митьку-то силком выдворить из избы-то, а он упирался как бык перед заколом, но у меня силы хватило: «Я те дам дурь свою выламывать!», – баю ему, да с этими словами как чубыркну его из сеней на волю!

После того, как отгремела длившаяся почти неделю свадьба, отец приступил к Павлу с такими словами: «Ну, парень! Раз женился, теперь остепеняйся, да берись за дело. Скапливай для своего хозяйства средства, скоро Ваньку или тебя от семьи отделим. Отгулялся, хватит за чужой-то спиной прятаться-то, ешлитвою мать!», – тряся головой и в такт этому своей козьей бородой, заливаясь веселым смехом, высказался при всей семье Иван. От внезапности и таких резонных отцовых слов, у Павла душа так и упала, а сердце в пятки ушло. Особенно его страшили слова отца: «Раз женился, теперь запрягайся в хозяйство!». «Назвался груздем – полезай в кузов! Недаром я сегодня утром стал собираться, в обмешулках, рубаху на себя задом наперёд накинул», – задумчиво высказался Павел.

– Хоть и бают: «в большой семье в тесноте, но не в обиде», а придётся которому-нибудь из вас из семьи выметаться, – продолжая разговор, о разделе, шутливо продолжал высказываться Иван.

– Потому, что в большой семье, как в котле кипит, а толку мало, – деловито заключил он.

– Рази, Паньку-то, мамка-то от себя отпустит, он маменькин сынок, – с недовольством высказался Ванька.

– Ну! ты, похлёбка! Помалкивай! – грубо обрезал его Панька.

– Ты что его так-то! – упрекнула Паньку мать.

– А он чай што!

– А ты чай што?

– А он чай што!

– А ты чай што?

– А он чай што, – не уступал матери Павел.

В Арзамасе. Деньги. Рыба. Скандал

Собрались Василий Ефимович с Любовью Михайловной Савельевы и укатили на лошади в город. Они намеревались там закупить кое-чего к масленице, особенно рыбы. Заодно Василий надумал приобрести там новенькую сбрую для лошади. Перво-наперво они закупили в рыбной лавке разных сортов рыбы. Василий, с уговору с женой, рыбы закупил такой: один килограмм белуги по 40 коп. один килограмм севрюги тоже по 40 коп., два килограмма осетрины по 30 коп., два килограмма усача по 20 коп. Эта рыба, по намерению обоих, должна пойти на закуску гостям в масленицу. Потом они еще подкупили рыбы и для варки, для семьи: мороженого судака пять килограмм по 15 коп. и соленого сазана пять килограммов по 15 коп. Итак, в общей сложности, они закупили пуд рыбы, уплатив за нее 3 рубля 30 копеек. Сложив всю рыбу в мешок, и снеся ее на подворье и уложив в сани, они решили сначала зайти в трактир «Золотой якорь» пообедать, а потом походить по магазинам и лавкам города, подсмотреть и подкупить кое-чего еще для семьи и хозяйства.

Под самый почти вечер (зимний-то день короткий), Василий Ефимович с Любовью Михайловной зашли в шорно-обозный магазин, где Василий занялся подбором нужной ему, лошадиной сбруи. Выбрав отменно-нарядный хомут, он подобрал хорошую седелку, потом занялся разглядыванием добротной, с колокольчиком, оброти уздечки. В магазине народу было не так-то уж много, но покупатели все-же были. Они так же, как Василий, руками копошились в общей куче кожаных ремней, шлей, вожжей и уздечек, норовя выбрать для себя нужную вещь сбруи. Вдруг, один из покупателей, подступил к Василию Ефимовичу и насильно стал вырывать из его рук, облюбованную им оброть, говоря:

– Эту уздечку я еще вчера отобрал и сейчас я ее должен купить, вот и деньги приготовил к уплате!

Василий, с недовольным лицом обернувшись к нарушителю общего порядка в торговле, с возмущением проговорил:

– Ты вчера облюбовал, а я сегодня, что же ты вчера ее не купил? – упрекнул Василий того. – Да и вообще-то, не гоже перебивать и нахальничать, порядок надо соблюдать, а не нахрапом! – укоризненно налегал Василий на перебивщика.

Любовь Михайловна, стоявшая несколько поодаль, с болью на сердце наблюдала за спорящим с незнакомцем, мужем. Ей страстно хотелось заступиться за него, она высвободив руку из кармана шубы, которой она придерживала оставшиеся от расхода деньги, подкрепляя свою речь жестом руки, не выдержав несправедливости, с укором незнакомцу, проговорила:

– На хитрости и обмане, далеко не уедешь! Василий, не отдавай, плати деньги и оброть наша! – подбадривала она мужа.

Незнакомец, сначала было упрямылся, сопротивлялся, руками держался за оброть, а как заслышал, что несколько человек поспешили из магазина к двери, он от оброти отступился и тоже торопко направился к выходу. Успокоившийся Василий, приобрёл полный комплект сбруи, хомут с блестящими бляхами и глухарями, седелку с бляшках с бубенчиками, шлею с висюльками и оброть с колокольчиком. Расплатившись за все это с хозяином лавки, и положив всё это в просторный мешок, довольный покупкой, Василий было направился к двери, как заметив растерянный вид на лице жены, спросил ее.

– Ты что?!

– Боюсь тебе даже и сказать-то! – с печалью в голосе ответила Любовь Михайловна.

– Как только те ушли из магазина, я сунулась в карман, а там пусто, карман-то отрезан со всем с деньгами, – уныло и жалобно добавила она. – Инда волосы на голове дыбом, и в глазах задвоилось, – плаксиво добавляла она.

– Сколько вынули-то! – грозно обрушил свой гнев Василий на нее.

– Тринадцать рублей! – дрожащим голосом тихо, как из ямы, сообщила она.

– А что не сдержала, не соблюла! – с зло выкатившимися глазами обрушился Василий.

– Пока с этим нахалом мы спорили, в этот момент, видно, и вынули, – оправдываясь перед мужем, охала Любовь Михайловна.

– Это ладно, еще не с пальцами отрезали, – вступил в разговор хозяин лавки, – ато бывает и с пальцами карман отрезают. Их воров-то карманников много развелось, и по магазинам шныряют. Вон читай вывеску и любуйся ихими портретами, – указал на стенку магазина, на которой было написано: «Остерегайтесь карманных воров!» и тут же галерея фотоснимков лиц воров, особенно отличившихся в злодеяниях при этом деле, спецов по карманной выгрузке.

– Дармоеды! Паразиты! Жулики, ни дна вам не покрывши, – грозно ругался Василий в адрес воров, но их давно и след простыл.

– Тринадцать рубликов, это не какой-нибудь целковый, а большие деньги, – злобствовал на воров Василий.

– Да и меня черт дернул, сунуться с языком, надо бы деньги в кармане туже зажать, а я сунулась тебе в защиту! – самокритично заявила Любовь Михайловна.

– Я уж не знаю, и чего ты рот-то разинула, не соблюла деньги-то! – перенеся злобу с невидимых воров, с новым приступом досады зла, обрушился он на нее, но сохраняя свое степенство и чтоб не опозориться перед хозяином лавки, Василий сдержался не дав воли разбушевавшейся вовсю своему пылкому нраву.

Всю дорогу, от магазина до подворья, Василий Ефимович безудержно злобно ворчал на Любовь Михайловну, кряхтя таща на спине туго набитый мешок с сбруей. Своим бурчанием он привлекал внимание многих прохожих, которые вежливо сворачивали с тротуара, освобождая дорогу разгневанному Василию. Злобно бросив мешок с сбруей в передок саней и бессознательно переместив мешок с рыбой к задку, Василий принялся поспешно запрягать. С подворья они выехали махом, застоявшийся Серый как-бы чуя, что хозяин, не в духе, резво выкатил сани из ворот подворья и до самой окраины города шел впритруску.

Подъезжая к пересечению московской железной дороги, стало темнеть. Василий, прикрикивая на Серого, из-за подворотов чапана наблюдал, как паровоз с натужно тянул состав товарных вагонов в подъем, направляясь в сторону Москвы.

В глубине саней, закутавшись в тулуп, полудремала Любовь Михайловна, она, горестно переживала и не могла смириться с тем, что так халатно отнеслась с деньгами, которые вынули из кармана воры, нанеся ей и всей семье такой значительный материальный урон, и не только семье, но и всему хозяйству. Тряская дорога вконец утомила ее, и она всю дорогу до самого дома находилась в каком-то туманном забытье. А Василий Ефимович, держа свой упрямый нрав, ни разу не обернулся назад, он вожжами подхлестывал Серого, который, как бы в ответе за урон, во весь дух бежал по дороге, невольно забавляя хозяина тем, что тот прислушался, как гулко ёкает у лошади селезёнка.

А дома семья жаждалась возвращения из города отца и матери. Ванька несколько раз выходил на морозную улицу, к мазанке, вглядывался вдаль улицы, ожидая появления из-за поворота на дунаевом перекрестке, серой лошади со знакомой повозкой, но нет и нет, Серый не появлялся и Ванька снова уходил в избяное тепло.

– Всё еще не приехали? – спрашивала его бабушка Евлинья.

– Нет, всё ещё не видно, – досадливо отвечал Ванька.

– Не знай, на что и подумать, должно что-нибудь в дороге случилось, пора бы уж вернуться! – с тревогой в голосе замечала бабушка.

В очередной выход на дорогу, Ванька, в серовой ночной темноте заметил своего родного Серого, который весело неся по дороге, приближаясь к своему заметному, желанно манящему теплему двору.

Ванька широко расхлебянил ворота, дав без заделки въехать повозке во двор. По тому, с каким остервенением отец бросил в сторону снятый с себя чепан, Ванька определил, что отец нынче сильно не в духе. В такие моменты лучше не попадаться ему на глаза, свою неудачу, отец, незаслуженно непременно сорвёт на ком-либо попавшимся ему на глаза. Поэтому Ванька ушел в избу и послал Миньку распрячь лошадь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.